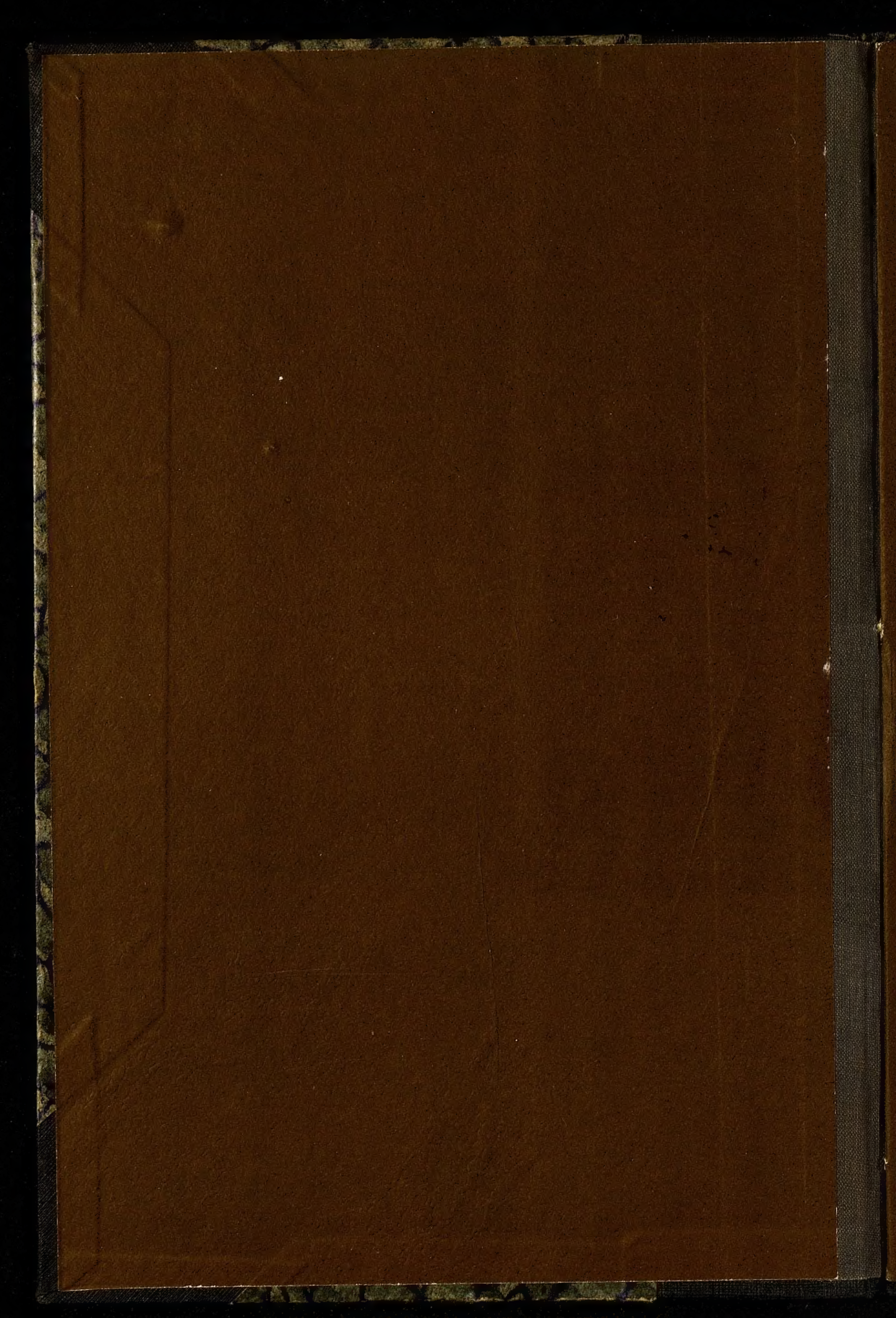
Зиновьев

Что должен знать и помнить коммунист-красноармеец

Г. Зиновьев

Что должен знать и помнить коммунист-красноармеец

Речь тов. Зиновьева на конференции красноармейцев 15 января 1919 г.

ИЗДАНИЕ
Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов
1919

Новые берлинские реляции.

Товарищи, многие из вас, вероятно, большинство, присутствовали вчера на заседании Петроградского Совета и слышали сообщение мое и других товарищей о положении дел в Германии. Повидимому, берлинские меньшевики одержали верх, оставшись у власти. Уже сегодня можно сказать, что положение наших товарищей в Германии все-таки лучше, чем оно представлялось нам даже вчера. Быстро вращается колесо истории. В радиотелеграмме, только что полученной и исходящей от тамошнего меньшевистского правительства, говорится, что германские коммунары не складывают оружия и настолько, видите ли, как они с возмущением выражаются, «наглы», что хотят в ближайшие дни повторить восстание. *(Аплодисменты).* И при этом, по словам того же радио, сторонники Карла Либкнехта заявляют, что им на помощь пришло новых 50 тысяч красногвардейцев. *(Аплодисменты).* Разумеется, товарищи, никто из нас не может поручиться, что эти цифры не преувеличены; но важно, что враги пролетариата, которые еще вчера в самой дикой оргии праздновали свою победу вместе с берлинскими буржуями, сегодня уже опять видят перед собою красный призрак коммунизма и опять начинают друг друга запугивать Либкнехтом и его новым отрядом в 50.000 красногвардейцев. Вчера хвастались тем, что, по слухам, Либкнехт ими арестован, как и наш товарищ Радек. Сегодня они с унынием сообщают, что удалось только разгромить квартиру тов. Либкнехта и произвести в ней обыск, а самого Либкнехта не нашли, хотя их социал-демократическая полиция, работающая вместе с сыщиками Вильгельма, обещала им наверняка обязательно поймать из-днях Карла Либкнехта. Будем надеяться, товарищи, что случится наоборот, что, напротив, друзья Либкнехта поймают, кого следует. *(Аплодисменты).* Во всяком случае, уже сегодня, читая реляции победивших господ социал-демократов и берлинских буржуев—радио от 15 января, как-то легче становится на душе. Чувствуется, что у этих лже-социалистов кошки скребут на сердце и что победы полной у них нет.

Перемирие, но и разоружение.

И социал-демократы снова заговаривают о перемирии с восставшими рабочими. Они стали в позу и с показным «великодушием» говорят: «Мы не желаем кровопролитной войны, нельзя ли как-нибудь заключить соглашение?» Товарищи, вы знаете эту породу людей. Вы знаете это Иудино племя! Если бы у них была подлинная гарантия на самом деле, что они разобьют окончательно пролетариат, разве они стали бы разговаривать о перемирии? Разве десять дней под-ряд не грохотала их артиллерия, разве не

разнесли они десятки домов и не перебили тысячи рабочих? И неужели они задумались бы над тем, как, по их выражению, «окончательно очистить» Берлин, если бы это было так легко?

Уже вчера я говорил в Совете, что получены сведения из других городов Германии о начавшемся там коммунистическом восстании. Сегодняшнее радио это подтверждает. Новый главнокомандующий контр-революционных социал-буржуев, полковник Рейнгард, заявляя, что он вполне признает Советскую власть, как и Гинденбург, а поэтому и расстреливает берлинских рабочих, в своей публичной речи признал, что хотя в Берлине, при помощи артиллерии, с рабочими справились, однако, придется водворять порядок еще в целом ряде городов Германии. Да, дело не так просто. Придется в целом ряде германских городов считаться с рабочим восстанием, и вот где главный источник миролюбия буржуазных подлипал и лакеев. Ларчик открывается просто... Перемирие—но и разоружение. А если это не удастся—в запасе имеется, в крайнем случае, предательство, выступление из-за угла...

О чем поет буржуазия.

Конечно, делается абсолютно все возможное, чтобы ослабить наших товарищей. Буржуазные газеты опять стали выходить. Ведь победила так называемая социал-демократия,—и, следовательно, газеты рабочих надо закрыть, а газеты буржуев выпустить. Это в порядке вещей. Так было и у нас при Керенском, который тоже называл себя социалистом. Пресса в Берлине стала, таким образом, единодушной, и все газеты там взапуски, наперерыв друг перед другом, требуют от правительства, от германских меньшевиков, стоящих у власти, прежде всего разоружения рабочих. Они в один голос поют: «Не успокаивайтесь на этих победах; мы, буржуи, благодарны вам и ценим вашу услугу, — но пока остался хоть один револьверишко в рабочем квартале, до тех пор разве можно спать спокойно?». И от Шейдемана и от Рейнгардта берлинская буржуазия требует, чтобы все оружие было отобрано у германских рабочих. И Рейнгардт, как хороший главнокомандующий, по долгу службы, обещает взять последний револьвер у рабочих!

Мы знаем, впрочем, что это не так просто. Мы видели, как в оккупированных местах немецкие власти вместе со Скоропадским и вместе с русскими черносотенцами так и не смогли разоружить ни крестьян, ни рабочих. И, товарищи, будьте уверены, что этому полковнику Рейнгардту с бандой Шейдемана не удастся разоружить рабочих; окажутся руки коротки.

Без фундамента из трупов рабочих нет учредилки.

У торжествующих шейдемановцев надежда на то, что через неделю они созовут свою Учредилку. До выборов осталась ровно неделя. И вот зачем понадобилось ускорить взрыв назревавшего движения, прежде чем пролетарии успели прочно сорганизоваться. Становится совершенно ясной теперь для каждого сознательного рабочего политика вызовов, которые бросало правительство Шейдемана все время германскому пролетариату, раздражая его, и прозрачен

становится смысл свирепого расстрела 83 матросов: буржуазное учредительное собрание в любой стране теперь может быть только на трупах рабочих. До своей победы им и в голову не приходило, что удастся созвать учредительное собрание раньше нанесения ими известного поражения берлинским рабочим. И только теперь, когда им кажется, что они победили уже берлинских рабочих, они мечтают созвать через неделю учредилку. Страшно сказать, но бесспорно, что учредительное собрание во всем мире иначе не строится, как на костях побежденных пролетариев. И лишь там, где буржуазии удалось раздавить пролетарское движение, она может рассчитывать на созыв учредительного собрания.

Где в последнее время говорят об учредилке? В Польше, где сейчас правительство возглавляется соглашателем генералом Пилсудским; он именует себя социалистом-революционером и, в надежде созвать учредительное собрание, расстреливает по этому случаю польских рабочих и крестьян, расстрелял нашу делегацию Красного Креста, не дает возможности рабочим организоваться, продается англичанам и французам. Там власть еще не перешла к рабочим, там буржуи имеют перевес, и там идут разговоры об учредилке. А в Германии в ту неделю, когда власть принадлежала берлинским рабочим, разве кто-нибудь думал об учредилке? Я уже говорил, как восставшие берлинские рабочие уничтожали избирательные списки и громили избирательное здание, чтобы сорвать выборы в учредительное собрание. Но как только удалось нанести удар берлинским рабочим, социал-буржуи на костях берлинских рабочих уже надеются созвать учредилку...

Так было и у нас. Ничто не ново под луною. Знакомая картина.

С чем переплетается кстати наша учредилка.

Недавно с Ижевского фронта пришло сообщение об одном достоверном — хорошо проверенном — и чрезвычайно знаменательном факте. Когда там, около Ижевска, атаковали нас последние группы белогвардейцев, то впереди шли ударники, за ними оркестр играл «Боже, царя храни», а на знамени стояло: «Да здравствует Учредительное Собрание!» Недурной переплет, можно сказать! Подумаешь, чем беременна на самом деле эта потаскушка учредилка! Царем!

Но, может-быть, это исключительный факт? Ничуть. Вот что сообщают московские и петроградские газеты о том, что было на-днях в Крыму. Там власть захвачена, как и в Берлине, меньшевиками и эсерами, там знаменитые Либер, Руднев и другие господа стоят у власти. Разумеется, к ним пришли на помощь буржуазные англичане и высадили небольшой дессант. А когда у гавани собрались союзников встречать Либер, Руднев, меньшевики, эсеры и кадеты—весь цвет тамошней так называемой социал-демократии,—то подошедший английский корабль приветствовал собравшихся на пристани социалистов-революционеров и меньшевиков гимном «Боже, царя храни». Грянул гимн — и говорят, что Либер и Руднев были несколько смущены. Что-то заговорило старое в их новой душе. Но местный министр иностранных дел, кадет Винавер, недавно бежавший из Петрограда, произнес успокоительную речь: англичане-де знают, что нет другого русского официального гимна. Конечно—Интернационал, социалистический гимн, но ведь он принадлежит большевикам. Англича-

нам ничего не оставалось, как заиграть «Боже, царя храни». И возможно, что Либер, Руднев и другие социал-демократы вполне удовлетворились этими научными об'яснениями кадета Винавера, ближайшего сподвижника господина Милюкова, который имел мужество, по крайней мере, еще в начале революции, открыто об'явить себя монархистом.

Итак, под аккомпанемент «Боже, царя храни», в местных меньшевистских и эсеровских кругах приступлено было к усиленному обсуждению вопроса о том, как собрать в Крыму поскорее учредилку!

Таково положение, товарищи, повсюду. Где у власти буржуи, их лакеи— меньшевики и эсеры, социал-демократы старого казенного толка, там созывают или делают вид, что созывают или готовятся созвать учредилку.

Но борьба об'явлена не на живот, а на смерть. И то, что мы видели в Германии в течение десяти дней, когда внимание рабочих всех стран было приковано к Берлину, мы это увидим в ближайшие недели или самое большое— в ближайшие месяцы—повсеместно—во всех других странах.

Союзники нам угрожают, не правда ли?

Еще недавно на наших предыдущих конференциях мы считали несомненным, что англичане, французы, американцы пошлют большие войска, и крупный дессант их грозит России. Вы знаете, они этого не скрывали. Вы помните, что после подписания перемирия с Германией, после того, как Германия была раздавлена, в Севастополе вышло воззвание, составленное правительствами союзников всех стран, начиная с крупных буржуазных, каковы Англия, Америка, Франция, Италия, и кончая буржуазными карликами—даже Сербию и Черногорию прихватили. Государства эти составили общий манифест, все буржуазные правительства были против нас. Это было месяца полтора тому назад. Прямо и определенно было заявлено ими, что они войсками своими «раз навсегда» восстановят «порядок» в России. И действительно, их первый план заключался в том, чтобы бросить на нас сильный дессант. Они хотели послать несколько сот тысяч английских и французских солдат и попытаться сломить власть рабочих и крестьян в России. Во Франции буржуазным правительством была даже сделана попытка не допустить демобилизацию солдат. Война с Германией кончилась,—приводило оно основания,—но еще предстоит большая война с Россией, и поэтому нельзя распускать армию, надо держать ее под ружьем. Требовал этого Клемансо, председатель совета министров. И сначала требовало даже большинство палаты.

Номер этот, однако, не прошел. Прямых восстаний во Франции не было, но было вот что. В день, когда в парламенте обсуждался вопрос о демобилизации, все хоры, все свободные места, все проходы в палате депутатов были заполнены солдатами-фронтовиками, в один голос требовавшими немедленной демобилизации. И пришлось этим врагам мирового пролетариата, волей-неволей, несмотря на то, что они не хотели распускать армию, согласиться с тем, что солдат не удержишь под ружьем.

Сейчас германское радио сообщает, что тамошняя буржуазия и социал-демократы также выдвинули первое требование—ни в коем случае не распу-

скать тех войск, которые верны правительству, не производить демобилизации. Товарищи, лучшей услуги господа германские социал-демократы нам оказать не могли. Кого Юпитер хочет погубить, того лишает рассудка—гласит пословица. Когда те самые солдаты, которых они привлекли сражаться против берлинских рабочих, узнают, что, в награду за верность правительству Шейдемана, их не отпустят домой и они должны отказаться от демобилизации и остаться под ружьем, то первым делом они возразят, что они совсем не этого добивались, а, приглядевшись к рабочим и прислушавшись к их требованиям, повернут штык против Шейдемана. Господа Шейдеманы ничего другого не могли придумать! Цепляются за части войск, которые остались им верны! За войска, уставшие после четырехлетней войны, голодные, разутые, раздетые, обозленные!

Даже после временного одоления рабочих братьев, разбив их там и здесь, едва ли они будут в восторге от того, что им, в виде особой премии, предлагают оставаться попрежнему в казармах под ружьем!

У буржуев другого выхода нет; берлинская буржуазия, однако, не долго будет пользоваться оружием воинских частей, которые кажутся верными ей. План закабалить себе солдат, как хотела сделать и французская буржуазия, сорвется, в конце концов. Французские солдаты уже такой план сорвали, и французская буржуазия должна была отказаться от посылки больших дессантных войск к нам.[1]

Но у нее были на то и другие побудительные мотивы.

Будапештский опыт.

Главный мотив—будапештского происхождения. Мы имеем достоверные сведения о том, что там произошло. Вы знаете, что одновременно с революцией в Германии вспыхнула революция и в Австро-Венгрии, а Будапешт—столица Венгрии. Когда французские и английские буржуи узнали о движении в Венгрии, они решили раздавить венгерскую революцию. Венгрия для них ведь лакомый кусок. Это аграрная страна, с богатейшими запасами хлеба, с неисчерпаемыми источниками целого ряда богатств—керосин, уголь, серебро, скот и другие земные блага. Французские и английские буржуи решили, во что бы то ни стало, задушить венгерскую революцию и бросить на нее дессантные войска. Им удалось бросить эти войска. Они послали для начала 25 тысяч французских солдат, чтоб занять Будапешт и целую цепь железнодорожных узлов Венгрии. Солдаты явились. Но что вышло дальше?

Не прошло и двух недель, как французские солдаты, которые в большинстве своем тоже состоят из рабочих и крестьян, заразились революционным духом Венгрии и через десять дней уже стали создавать там свои Советы солдатских депутатов! *(Аплодисменты)*. Французские генералы попытались бороться против этого расстрелами. В одном из лагерей они расстреляли своих солдат через десятого. Но этим ничего не достигли. Озлобление против них только росло. И тогда им, волей-неволей, пришлось повернуть оглобли назад и отправить эту 25-тысячную дессантную французскую армию назад во Францию, хотя они превосходно отдавали себе отчет в том, что эти 25 тысяч человек будут лучшими агитаторами против них и что они разбросают искры

по всей Франции. Но иначе было бы еще хуже. Эти французские солдаты подняли бы на штыки своих генералов! Вот почему они вынуждены были отправить назад дессантную армию.

И когда случилось это, а в Архангельске началось братание американских отрядов с русскими отрядами—об этом братании вы читали в газетах, и на международном митинге у нас об этом рассказали сами американцы—тогда в Париже и в Лондоне господа министры, генералы, банкиры «сели за стол и подумали», стоит ли, в самом деле, посылать большие войска в Россию. И пришли к тому выводу, что не стоит. Потому что убедились (и верно), что если бы они послали к нам большие армии, то еще скорее их армии заразились бы революционным духом у нас, нежели в Венгрии. В Венгрии революция слабее, чем у нас, там власть не принадлежит рабочим вполне, там революция проделывает первый свой период. У нас же власть 13 месяцев принадлежит рабочим, мы сразу сумели бы наводнить все «союзные» казармы листками, брошюрами, агитаторами или организовали бы с ними широкое братание. И французская буржуазия поняла, что в России их войска скорее бы разложились и отказались бы подчиняться генералам, нежели в Венгрии.

Из нужды добродетель.

Вот откуда появилось у французов нежелание посылать к нам большие войска. Теперь они стараются, как говорится, «из нужды сделать добродетель» и говорят: «Да мы и не собирались посылать в Россию большие дессанты. Помилуйте! Что же, мы разве разбойники! Да нам это никогда и в голову не приходило. С чего вы это взяли?»

А мы взяли с того, что видели, как они посылали корабли в Архангельск и в Крым, и читали ноту, подписанную всеми правительствами, начиная от американского и кончая жалким сербским правительством.

Теперь «союзники», отступая, заметают следы. И французский министр иностранных дел Пишон, и французские сенаторы, и американские и английские министры, на-днях все в один голос заявили, что они не собираются посылать большие дессанты в Россию, но—прибавили они—«это не значит, что мы признаем власть большевиков. Мы будем против них бороться лишь разумными мерами: не посылать большие войска, которые разложатся, а поддерживать партию порядка в России!»

Партия порядка.

Кто составляет партию порядка в России, по представлению буржуев? Не зачем вам пояснять; это, по их мнению,—белая гвардия; это—те, которые выкалывают глаза нашим пленным, те, которые стоят за принадлежность земли, как это искони водилось и как это одобрялось попами и митрополитами,—обязательно помещикам. Когда горсть буржуев владеет землею,—это порядок. А если земля принадлежит 100-миллионному крестьянству,—это беспорядок, и нельзя спокойно спать в Лондоне, пока этот неслыханный беспорядок не прекратится.

Не войсками, так золотом.

Как же им не помогать этой армии порядка? Помочь большими армиями нет возможности—они помогут зато золотом, прежде всего. Не жалеют они золота, товарищи, потому что у них золото обесценилось. В Америке золото в такой же цене, как у нас керенки. У наших кулаков ведра керенок, а у тамошних кулаков ведра золота. Награбили они на этой войне столько, что и сосчитать не смогут...

Собираются еще они грабить все остатки германские. На-днях один из просвещеннейших английских лордов выразился на своем изящном языке так: «Ничего, что Германия обнищала, мы сумеем взыскать контрибуцию, мы обыщем карманы каждого немца и вытащим оттуда все содержимое». Вот как лорды и почтенные джентльмены рассуждают. Будут грабить тощие карманы последнего крестьянина и последнего германского рабочего! Награбили—и собираются нашим партиям «порядка» придти на помощь хоть частью награбленного золота, деньгами для того, чтобы те могли воевать против нас. Дадут им своих офицеров, свой командный состав, инструкторов, потому что у них этого товара хоть отбавляй. Там еще не приступили, к сожалению, к сокращению офицерского и генеральского состава. Это не значит, что не приступят. Будьте уверены, что приступят, и это время наступит. В Германии уже начали. Там матросы в начале первой революции несколько сократили состав контр-революционного населения, и в ближайшие месяцы или в ближайшие годы, несомненно, еще почище сократят. В Англии же, где стали создавать армию, есть пока в избытке этот товар. Англичане готовы поделиться им с Деникиным, Красновым, с сибирскими и архангельскими бандами.

Потом бывшие союзники, втравившие Россию в войну,—как видим и скоро еще больше увидим,—не на радость себе помогут нашим белогвардейцам пушками, амуницией, винтовками, пулеметами, танками. Наши петроградские буржуи, пожалуй, каждый день видят приятный сон, как танки выгружаются на Невских набережных и как они идут против петроградских рабочих и сглаживают все и давят все на своем пути. Карточки третьей категории навевают им эти счастливые сны. И они ожидают, когда же раздастся на взморье гудок, возвещающий, что пришел дессант, и английские войска покончат с нами.

Ни танков, ни английских войск они не дождутся. Но, повторяю, белогвардейцы получат и получают помощь от английской и французской буржуазии деньгами, продовольствием, амуницией и офицерами. И, товарищи, на эту помощь нельзя смотреть презрительно, эта помощь очень существенна, очень серьезна. Особенно важно продовольствие. Финские белогвардейцы, которые сейчас нас теснят под Ревелем, не могли бы и мечтать вмешаться в войну с Эстляндией, если бы не Англия. В Финляндии был голод. Наши пограничные солдаты собственными глазами видели и не раз рассказывали, как на финляндской границе каждый день по несколько человек белогвардейцев, месяца два тому назад, прямо умирали с голоду в буквальном смысле этого слова. Они получали 30 грамм хлеба в день, что гораздо менее нашей $^1/_8$ фунта. А во всей Финляндии не было ни зерна хлеба. Она ничего не давала своей армии. Мобилизовались полки и вновь расходились. Теперь Англия привезла финнам

хлеб и привезла офицеров; она дала им переодетую буржуазную милицию, дала денег и, разумеется, порядочно этим их подкрепила. Так что, товарищи, нам эту помощь нельзя недооценивать. Английская, французская и американская буржуазия, пока не свалена, пока она существует, представляет собою большую и серьезную силу.

Значение нашей внутренней войны в новых условиях.

Вот почему наша внутренняя война получает сейчас очень важное значение. Могло бы казаться теперь, когда у нас красноармейцев больше миллиона, когда все оружие в Советской России принадлежит нам, когда мы, худо или хорошо, наладили правительственный аппарат, когда Брестский мир уничтожен, когда мы ряд городов взяли, когда мы подвигаемся в Украине,—могло бы казаться, что, в сущности говоря, белогвардейцы—финские, эстонские, сибирские, украинские, польские и всякие—не могут представлять серьезной опасности. Это и было бы так, если бы мы были оставлены с глазу на глаз с ними, если бы в Европе не было других сил, кроме красных и белых в России. Нет. Кроме нашей белой гвардии, существует еще английская белая гвардия и белогвардейская богатая буржуазия, существует американская и французская буржуазия; она спит и видит, как бы покончить с нами. Соотношение сил поэтому совершенно другое.

Возьмите ту же Украину. Совершенно ясно, что если бы за тамошними белогвардейцами или за тамошними социал-демократами, которые не так далеко ушли от белогвардейцев (яблоко от яблони не далеко падает), если бы за ними не стояли англичане и французы, нам, действительно, ничего не стоило бы в несколько недель одолеть их и получить Украину, потому что трудящийся народ—украинские рабочие, крестьяне и солдаты рвутся к соединению с нами, братски протягивают к нам руки. Стонали они под игом Скоропадского 10 месяцев и мечтали соединиться с нами. Вся Украина была бы уже наша. Но, товарищи, дело в том, что там недавно за правительством Скоропадского, а теперь за правительством Петлюры и Винниченко стоит англо-французская буржуазия. Англичане и французы поделили промеж себя сферы влияния, как они выражаются. Англичанами Одесса отдана французам, а угольный район французы хотят отдать англичанам. Они делят Украину так же, как делили все время Африку или Азию. Они считают, что она у них уже в кармане. И если теперь русские войска двигаются на Харьков, Одессу, Полтаву, полагая, что ведь эти же города связаны чем-то с Россиею,—личное оскорбление себе видят в этом англо-французы. Кому же не известно, что Одесса принадлежит Франции! Так было решено банкирами, что Одессу будут грабить французы, а Таганрог и Екатеринослав англичане. Решено в Лондоне.

Вот почему борьба на Украине становится гораздо труднее, чем могла бы быть, если бы мы были с глазу на глаз с русскими белогвардейскими партиями. И вот почему нельзя не видеть, что белогвардейцы, финские, эстонские, украинские, русские и польские, вместе взятые, составляют очень значительную силу.

Несколько слов о Польше.

С польскими белогвардейцами нам придется посчитаться в ближайшие недели. Я говорил уже о генерале Пилсудском, который, называя себя эсером,

стоит во главе польского правительства и формирует польские легионы; он формировал их раньше, и из Франции они возвращаются к нам, чтобы пойти против нас. Их ультиматум требует, чтобы мы «убрали войска из Польши». Когда мы спросили: из какой?—«Да как же,—ответили они:—ведь вы в Двинске находитесь»! Оказывается, что Двинск принадлежит Польше! А когда наши войска заняли Вильну, еще более протестуют они и считают, что мы посягнули на их владения. Дело не в том: они знают, что Двинск с Польшей не имеет ничего общего, а хотят, чтобы мы были подальше от Варшавы. И правда, правда, чем ближе мы к Варшаве, тем ближе польские социал-буржуи к веревке. *(Аплодисменты).*

В Польше живет и борется героический польский пролетариат, который во многих отношениях шел впереди нашей революции; в 1905 году он играл выдающуюся роль; разумеется, он также возьмет за горло свою буржуазию. Вот буржуазия польская и думает, что ей удастся поставить между Советской Россией и между Польшей какой-нибудь барьер. Мечтают польские паны, как-бы отгородить себя каким-нибудь барьером подальше от нас. Нельзя ли Двинском?

Трудно отгородиться от нас.

Иногда происходят забавные дискуссии на эту тему. На-днях обменялись телеграммами американские и французские генералы с немецкими генералами и берлинскими меньшевиками: немцы обвинялись в том, что они помогают нам в оккупированных местах. На самом же деле нам приходится с ними бороться; и только часть честных солдат, сторонников Либкнехта, помогала нам. Французские генералы упрекают немецких, а немецкие генералы от имени немецкого правительства отвечают нотой: «Ваши превосходительства, как можете вы нас обвинять, да разве мы себе враги? Помилуйте, большевики к нам, Германии, гораздо ближе, чем к вам, и нам от них опасность бо́льшая, чем вам, мы рады радехоньки в ложке воды утопить большевиков, да что поделаешь, когда не тонут, и солдаты и рабочие за них!»

Все, одним словом, хотят быть подальше от греха, от соблазна, от большевиков, барьер давайте им, стену потолще! И польская буржуазия, уже когда мы были одной ногой в Двинске, начинала в смертельной тоске искать крючка, на котором можно было бы повеситься в свое время! *(Аплодисменты).*

Белые перекликаются.

Товарищи, вы видите, что буржуи вынуждены друг с другом искать контакта, союза. У них нашлась взаимная перекличка. Белогвардейцы финские, кровожадные белогвардейцы, у которых вся морда в крови после той оргии, которую они справили над финскими рабочими, перекликаются с белогвардейцами в Варшаве, а варшавские белогвардейцы перекликаются с собратьями своими в Ревеле, а ревельские дают весть белогвардейцам, заседающим в Омске. Хотят нас окружить и вместе итти на нас. При могущественной поддержке англичан и французов они составляют определенную и крупную силу. Ясно, что мы с ревельскими гимназистами и офицерами, которые шли против эстон-

ских рабочих и батраков, справились бы в одну неделю. Но когда пришло на помощь семь миноносцев английских и несколько тысяч кавалеристов и юнкеров финских, обученных германскими буржуями и теперь инструктируемых английскими офицерами, тогда положение вещей изменилось.

И все же мы должны сказать, что нами одержана первая победа над англо-французской буржуазией в том смысле, что она должна была отказаться от посылки к нам больших, многотысячных войск; она этого сделать не может. Но мы, вместе с тем, стоим перед необходимостью считаться с другими опасностями. Много белогвардейских очагов разбросано в разных местах России; у них под рукой мошна англичан и французов, они являют собою серьезную угрозу.

Нам нужно вооружиться.

Вот почему, товарищи, нам нельзя сейчас ни одной минуты думать о разоружении; наши казармы должны быть наготове. Момент придет, когда мы распустим людей по домам, и, я думаю, сравнительно скоро. Никто не может, однако, сказать, сколько месяцев или лет понадобится для этого. Но сейчас в порядке дня стоит вопрос о вооружении, об организации армии. И как мы ни измучены, ни устали, ни голодны, ни разуты и раздеты,—мы вынуждены превращать страну в вооруженный лагерь, продолжать нашу борьбу.

Будем героичны и мы.

Я говорил в Совете вчера, что мы полны величайшего уважения к героическим берлинским коммунарам за то, что они совершили в последнюю неделю. Во имя чего они все это делали? Они добивались того, что у нас уже есть. Власти пролетариата. Сражаясь, они прекрасно знали, что их победа сегодня еще не значила бы, что завтра берлинские работницы получат от правительства Либкнехта по 3 фунта хлеба в день. Они продолжали бы голодать так же, как голодают сейчас. И у них хлеба меньше, чем у нас. Они знали, что если бы они взяли власть в свои руки, то, промучившись год, два, три, они пришли бы к полному освобождению и уничтожению гнета капиталистов. Вот почему они величайшие герои из героев, люди, на которых будут молиться все сознательные рабочие во всем мире, они затмили наш героизм, потому что они дрались в гораздо более трудной обстановке, чем мы, добиваясь того, что мы уже имеем. И их пример должен нас ободрить и заразить нас большей верой в наше дело, должен дать нам новый толчок к продолжению строительства нашей армии с бо́льшим напряжением, с бо́льшим упорством.

Коммунистическая армия—рабочая и крестьянская.

И, товарищи, на ваши отряды коммунистов, на красноармейцев и матросов падает ответственная задача.

Наша партия коммунистов, стоящая у власти, давно уже стала своего рода армией. У нас в партии введена военная дисциплина, строжайшая централизация, все слушается центра, партийная дисциплина крайне строга, наша

партия разделилась в общем и целом на ряд отрядов. Можно сказать, что наша партия состоит из артиллерии, кавалерии, пехоты, пулеметчиков и других родов оружия. Какой-нибудь партийный деятель профессионального движения или работник Совета Народного Хозяйства, продовольственник, агитатор также теперь мобилизован, он на учете, он может быть переброшен завтра куда угодно. Наша партия вся построилась по типу армии, потому что иначе нельзя. Мы переживаем военное время.

Но в этой армии вы являетесь самыми ответственными ее отрядами, ваш род оружия является самым важным в данный момент. Мы взяли на себя колоссальную задачу создать в стране после трех с половиною лет войны, в стране бедной, обнищалой, разоренной, измученной большую армию. Да, задача колоссальна! Когда буржуазии приходилось по старой системе призывать армию ко всеобщей воинской повинности, историки писали потом толстые тома, рассказывая, как она произвела великую реформу. Но то, что мы сейчас делаем, есть реформа в тысячу раз более важная. Мы строим впервые в истории армию социалистическую, народную. А построить армию—это не то, что вооружить людей, обучить, обмундировать! Нет, для того, чтобы она была серьезной силой, всю жизнь надо перестроить, все отрасли общественной жизни надо перестроить—и систему продовольствия, и народное образование, и железные дороги. С армией это все связано теснейшим образом. Армия наша, более чем когда бы то ни было, есть плоть от плоти народа. Оттого-то построить армию в нашей стране представляет задачу чрезвычайно сложную и трудную.

Наша армия—крестьянская армия, это надо иметь в виду коммунистам. Коммунистическая партия была до самых недавних времен партией рабочей, городской, партией пролетариата фабричного. Наша партия родилась в рабочих кварталах. А армия наша в своей массе является мужицкой армией. Это факт. Вглядитесь на любом смотре в Петрограде, и вы увидите, что маршируют не рабочие, а крестьяне. Рабочие были мобилизованы первыми, но они составили лишь тонкий слой в армии. И по той простой причине, что рабочих в десять раз меньше, чем крестьян, мы имеем армию крестьянскую.

Это и возлагает на коммунистов особую задачу. Мы еще только становимся крестьянской партией. Мы мало работали в деревне. Во время революции мы не пытались создавать в деревне коммунистические организации. Напрасно. Надо понимать, что крестьянская армия нас ко многому обязывает. В деревнях нередко происходят в последнее время так называемые восстания. Конечно, частью там действует белая гвардия, но частью есть что-то другое. У нас положение такое, что мы берем с крестьян теперь, во-первых, хлеб; все излишки хлеба отнимаем; во-вторых, мы взимаем чрезвычайный налог со всех более богатых крестьян; в-третьих, мы отнимаем лошадей, оставляя только одну на каждое хозяйство, реквизируем повозки и мобилизуем население год за годом. Само собою понятно, что в целом ряде мест это вызывает неудовольствие. Крестьянам там и здесь кажется, что слишком многого мы от них хотим, что от них требуют слишком большого напряжения. И на этой почве рождается у них определенный разлад с нами. Я не хочу сказать, что мы не должны этого делать. Мы вынуждены. Мы вынуждены взимать чрезвычайный налог, иначе курс рубля дойдет до того, что мы будем платить за проезд в

трамвае по 500 рублей, и бумажки потеряют всякую ценность. Чрезвычайный налог даст нам возможность содержать свою армию, школы, больницы и т. д. И мы вынуждены брать его, но только с более зажиточных крестьян. Местами, к сожалению, это делается наоборот, потому что не все комитеты бедноты оказываются на высоте своего положения и обижают бедных крестьян. Против такого зла надо бороться решительным образом. Настоятельно нужен декрет о том, что семьи красноармейцев, получающих меньше 1500 рублей в месяц, освобождаются от налога; и нужно раз'яснять малейшие недоразумения, потому что на этой почве ведется черносотенная агитация, которая пользуется ими.

Вынужденные мобилизовать год за годом, мы рады были бы оставить взрослое население в деревне, чтобы оно помогало увеличивать производительность труда и богатство нашей страны; но мы обязаны обороняться от англичан, от французов, эстонцев, от белой гвардии, иначе придут англичане и французы и отнимут последнюю десятину земли и последнюю лошадь у крестьянина; иначе рабочие и армия умрут с голоду. А как обороняться, не прибегая к тем сборам, к которым мы прибегаем? Только мы должны считаться с возникновением в деревне, в связи с этим, ропота.

И основная задача ваша, товарищи, как передовиков армии, которые явились из деревни и связаны с нею сотнями нитей, ездят туда, пишут туда письма, основная задача ваша заключается в том, чтобы об'яснять землякам всю необходимость этих временных жертв и чтобы вместе с ними бороться против злоупотреблений, которые бывают на местах.

Надо спеться с крестьянами.

Наша партия должна быть крестьянской партией. Если мы не сумеем спеться с крестьянами, не сумеем начать дышать с ними одною грудью, если мы посеем в их среде недоразумения, тогда и рабочие, и крестьяне в России погибнут. Нас разделят тогда и разобьют по одиночке, порознь; и отнимут от рабочих то, что они завоевали, и у крестьян то, что они получили. Наше спасение в союзе передовых рабочих с деревенской беднотой, с крестьянами. И какие бы недоразумения ни зарождались, нам нужно преодолеть это во что бы то ни стало. В этом жизнь и смерть для всей революции.

Надо строить армию.

Надо помнить, что самая важная задача вашего отряда партии коммунистов заключается в том, чтобы строить армию. Крестьянская армия не может быть дисциплинированной, выдержанной армией, она бывает рыхлая, ее надо сколачивать, обтесывать, ее надо просвещать, учить. А этого не может сделать никто иной, кроме коммунистических частей красной армии. Вот почему мы туда отдавали свои лучшие силы, начиная с верхнего поста и кончая последней дивизией и ротой. Даже в роту мы отдаем своих лучших людей; лучшие силы снимаем с ответственных постов, потому-что нет более ответственной, почетной, хотя и тяжелой, работы, чем работа коммуниста в теперешней армии.

Вам не за чем рассказывать о темных сторонах армии, вы их знаете лучше моего. Почему нас гонят под Ревелем? У нас численное превосходство, не так страшен враг, его всего несколько тысяч. А потому, что части неустойчивы. Вот последний пример, только что полученный. Мы отобрали полк комитетов бедноты, созданный в Петрограде из добровольцев, посланных комитетами бедноты, и считали, что это один из самых надежных полков. В Ревель было двинуто две тысячи человек. Пока они пришли в Нарву, их осталось уже только 1200 человек; 800 по дороге растаяло. Я не считаю возможным перед вами, ответственными работниками, скрывать этот факт. Казалось бы, что крестьяне-бедняки, бывшие фронтовики, посылаемые комитетами бедноты, понимают, в чем дело, их не нужно агитировать. И вот от Питера до Нарвы 800 человек растаяло, а придя в Нарву, часть из них стала выдвигать такие требования, которые удовлетворить нельзя было, вместо того, чтобы отгонять врага, которого можно было бы разбить в два дня, если бы была стойкость. Как это случилось? А так. Комитеты бедноты, отправляя своих добровольцев, обыкновенно посылали двух бедняков и прибавляли к ним одного кулака, в том соображении, что не за чем ему оставаться в деревне, пускай и он идет в армию. Они думали, что приносят пользу, привозя нам сюда по кулаку. А между тем в трудную минуту достаточно десяти прохвостов, чтобы смутить весь полк. Так и под Ревелем. Там оказалось много кулаков, которые сейчас же повели черносотенную агитацию.

Вот с какими трудностями приходится встречаться. Да, вы знаете, их на каждом шагу не оберешься. В трудные минуты надо грудью бросаться коммунистам-красноармейцам вперед, и только тогда удается что-нибудь сделать. Приносят громадные жертвы, обильно поливают своею кровью коммунисты наши фронты. Но другого выхода нет.

Или — или...

Мы недавно потеряли Борисоглебск, важнейший город Тамбовской губернии, и взяли его назад. Но как? Тем, что большой отряд коммунистов, человек в 700, бросился вперед и взял город обратно. Было убито при этом 200 человек наших товарищей. Тяжелая потеря.

Наша партия приносит колоссальные жертвы. Но у нас выход один: или мы выведем страну к полной победе социализма, и земля останется у крестьян, а фабрики у рабочих, и голод кончится, или мы отступим в решающий момент и тогда нас через два месяца буржуазное правительство заставит проливать кровь вдесятеро раз больше за их классовое дело.

Много жертв падает сейчас, нечего и говорить, сотнями тысяч исчисляются наши жертвы и в гражданской войне, и в той войне, которую мы ведем на различных фронтах; но, прикинув с точки зрения простой бухгалтерии, мы должны будем сказать, что во время войны, которую вел царь, за один день убивали рабочих и крестьян в 10 раз больше, нежели было убито их за целый год нашей революции. В одних Мазурских болотах в начале 1915 года царские генералы утопили целую армию в 200.000 человек рабочих и крестьян. А что было в других местах, на Карпатах, в Галиции? Там легли миллионы людей.

Я и говорю, что те жертвы, которые мы приносим сейчас, не идут, в численном отношении, в сравнение с теми жертвами, которые приносились при старом режиме. У нас выбор: или мы отстоим свои завоевания, или погибнем, и нас будут гнать на убой империалисты, которые заставят погибать сотни тысяч во имя их, чуждых нам, интересов. Другого выбора ни для одного сознательного коммуниста нет, и он не поколеблется перед вопросом, на чью сторону встать.

В чем же задача нашей конференции.

Задача нашей коммунистической конференции заключается в том, чтобы друг с другом связаться, чтобы отобрать лучшие армейские части, понять, какая громадная задача стоит перед нами. И на Ревельском фронте могут поправить положение красноармейцы-коммунисты, те люди, которые понимают, что их гонят не на опостылую войну, никому не нужную, и что мы создаем армию не из любви к парадам или из потребности держаться на штыках, или из желания кого-нибудь грабить, а для того, чтобы нас самих не грабили, не расстреливали, не мучили, мы создаем армию для того, чтобы отстоять землю для крестьян и свободу и равенство для всего трудящегося народа! *(Аплодисменты).*

Я глубочайше убежден, что какие бы трудности ни стояли перед нашей, самой великой партией, какую когда-либо знал мир, эта партия справится с предстоящими нам чудовищными трудностями.

В последнее время нам счастье улыбнулось, мы заняли целый ряд городов—столицу Украины Харьков и Ригу—столицу Прибалтики. В Прибалтике формируется 100-тысячная латышская армия латышских стрелков. А вы знаете латышей. Они не будут говорить: пойдем воевать только под Ригу, как это говорят под Псковом: какое нам дело до Ревеля! Они идут, куда надо. Мы видели латышских братьев под Екатеринбургом, в Москве, в Ярославле. Эта стотысячная железная армия будет бороться так же, как и мы. То же сделают и эстонские товарищи, когда победят буржуев. У них уже была мобилизация рабочих и крестьян в эстонскую красную армию. Литва наша, Украина наша. Все народы дадут свои части. И финский народ даст свою часть. Финские белогвардейцы местами дерутся с нами. Дело только заключается в том, чтобы в этот переходный момент, когда на отдельных фронтах нас все-таки теснят,—чтобы мы сумели, все-таки, эти трудности преодолеть. Те же самые англичане и французы, поставившие крест над старым планом высадки крупного дессанта, если бы пронюхали, что мы слабы, завтра забросали бы нас войсками. Нам нельзя уступать им ни одной самой маленькой мызы на Эстляндском фронте, потому что в каждой усадьбе эстляндской решаются судьбы великой социалистической революции. Ваш долг, как людей, которые являются передовым отрядом самой славной армии всего мира,—взвалить на свои плечи эту тяжесть и своею грудью встать впереди отрядов, напоить их коммунистическим духом, растворить себя в этой армии, чтобы каждый солдат знал, что коммунист самый бесстрашный, самый мужественный, самый беззаветный, храбрый, самый честный, самый стойкий воин, чтобы он был для них образцом, был вдохновляющим образцом, чтобы все старались быть похожими на него!..

Если мы это сделаем, мы победим! *(Бурные аплодисменты).*

50к.

Цена ~~70~~ коп.

Первая Государственная Типография. Гатчинская 26.

